

Анастасия Сергеева

БУДУЩЕЕ РОССИИ: СТАТУС КВО VS. ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

**FREE
RUSSIA**

Содержание

Введение	3
Методология исследования	4
1. Обзор общественных настроений и ожиданий в России по материалам социологических исследований последних 10 лет.	4
2. Анализ ожиданий в гражданском секторе в регионах России	8
2.1 Общие тренды	8
2.2 Проблема 2024	9
2.3 Усиление и ожидаемые направления репрессий для удержания власти при снижении ее уровня легитимности	11
2.4 Сценарии развития регионального и местного развития в условиях ухудшения экономической ситуации	13
2.5 Модели поведения бизнеса в условиях кризиса легитимности, ухудшения экономической конъюнктуры и ограничений на рынке	14
2.6 Механизмы расширения или сворачивания активизма под давлением репрессий и из-за разочарования общей ситуацией	15
2.7 Механизмы поддержания легитимности и стабильности политического режима для внешних наблюдателей	16
Заключение	18

Введение

Тема глобального прогнозирования будущего России занимает важное место в работах многих экспертов и аналитиков¹. И хотя с одной стороны, мы регулярно читаем глубокие и интересные тексты, посвященные отдельным направлениям или динамике возможных изменений², все равно в публичном пространстве продолжает актуализироваться знак вопроса, когда речь заходит о возможности демократических изменений, о смене власти и ее носителя, о том, как будет происходить обновление элит и о возможном характере реформ в России в далекой перспективе.

Мы регулярно сталкиваемся с непредсказуемыми поворотами повестки дня в России. Отдельные события сложно вписываются в общую парадигматику прогнозов будущего России, а отдельные отраслевые прогнозы часто не совпадают с глобальными трендами, которые влияют на динамику событий.

По мере усиления авторитаризма мир политического в России все больше становится процессом кулуарным, внутренним и замкнутым. Сфера публичного все реже отражает реальность, и все чаще затмевает истинные процессы. Для всех акторов участие в публичной сфере ставит вопрос о безопасности, о доверии, дефицит которого отмечают эксперты³ в сегодняшнем российском обществе.

---

1 см. в частности Russia 2025: Scenarios for the Russian Future, Editors: M. Lipman, N. Petrov, Palgrave Macmillan, 2013 и <https://www.4freerussia.org/russia-scenarios-2030/>

2 The Russian Economy: Short-Term resilience, Long-Term stagnation. by Sergey Aleksashenko; Atlantic Council. Eurasia Center, August 2018; Russia's growth problem, Marek Dambrowski and Antoine Mathieu Collin; Policy Contribution, Is. 4, February 2019.

3 Доверие в нестабильном российском обществе. П.М. Козырев, А.И. Смирнов, Журнал "Полис: Политические исследования", №5, 2019.

Методология исследования

Данное исследование сочетает в себе несколько методологий:

1. – обзор данных социологических исследований, которые проводились в России в 2009-2019 гг., и в которых проявляются глобальные тренды общественных настроений. Эта часть помогает определиться с темами и направлениями для обсуждения с экспертами.
2. поисковые качественные интервью с экспертами по структурированному гайду. Отбор экспертов проводился на основании их специализации (внешняя или внутренняя политика, социально-экономическая ситуация, поведение элит, выборы и электоральная культура, социология общественных движений, права человека, политика ЕС в отношении России). Эта часть позволила сформулировать гипотезы и основные тренды развития ситуации.
3. неструктурированные интервью с представителями разных аудиторий (региональные элиты, региональные политтехнологи, представители силовых структур, региональные лидеры гражданского сектора, аналитики и представители структур в странах ЕС). Эта часть была необходима для верификации гипотез и уточнения трендов развития в конкретных отраслях.

Всего было проведено 20 глубинных интервью. 5 респондентов были опрошены по структурированному гайду, включающему все темы, описанные в данной работе. В числе респондентов – эксперты по внутренней и внешней политике России, проживающие внутри и вне страны и регулярно комментирующие ситуацию в России.

Еще 6 интервью касались непосредственно ситуации в регионах и были проведены с представителями гражданского общества из регионов (2 респондента), политтехнологии, работающими в регионах (2 респондента) и с сотрудниками региональных администраций (2 респондента).

2 неструктурированных интервью, связанные с восприятием России в Европе и участием России в международных организациях были проведены с польскими аналитиками и сотрудниками государственных организаций, занимающихся отношениями с Россией.

2 интервью были проведены с представителями “силовых” структур – один действующий сотрудник среднего звена, работающий в одном из регионов России, другой – сотрудник в отставке, работавший в Москве.

Еще 5 неструктурированных интервью были проведены с представителями разных организаций и неформальных групп, работающих в Москве и других регионах России – в том числе Мемориал, Голос, штабы Навального, участники кампании в защиту Егора Жукова и др.

По итогам интервью были сформулированы основные тренды в текущей российской политической и общественной ситуации с описанием мотивации и потребностей разных акторов.

1. Обзор общественных настроений и ожиданий в России по материалам социологических исследований последних 10 лет.

Важный фактор, который отмечается аналитиками, - это высокий уровень прагматичности российских элит. Отсутствие ценностных традиций, их разорванность и фактически постоянный поиск базовых ценностей для российского общества создал ситуацию, в которой превалирует сиюминутное и очень прагматическое отношение к текущей ситуации в стране и ее перспективному развитию. В этих условиях, для оценки поведения фактически всех акторов, которые действуют в рамках институтов власти в России, необходимо в первую очередь хорошо понимать экономические условия и перспективы, а также (что не менее существенно), насколько реалистично они оцениваются внутри элит.

В условиях тотальной пропаганды объем неадекватности экономических оценок настолько высок, что многие представители элит разных уровней оказываются в ее ловушке и неспособны оценить реальное состояние дел. Одновременно с этим, очевидно, что их публичные оценки ситуации и прогнозов выдержаны в стиле официальной пропаганды и нацелены исключительно на сохранение двойных стандартов.

Респонденты отмечают, что в условиях, когда большая часть российского общества все сильнее чувствует экономические трудности в повседневной жизни, а власти вводят новые дополнительные ограничения и способы наполнения бюджета и коррупционных издержек за счет разных групп общества, экономический дискурс и контекст в России все больше напоминает ситуацию в СССР, когда на макроуровне общество получало информацию о благоденствии и благополучии, опиралось на нее в своих планах и ожиданиях, а текущие трудности и ограничения воспринимало, как временные.

Тем не менее, в 80-е гг. многие советские экономисты понимали близость кризиса и осознавали,

что для спасения экономической ситуации необходимы коренные реформы в политической сфере, поскольку социалистическая модель советской экономики не могла стать эффективной¹.

Также, как и в середине 80-х эта двойственность создает иллюзию благополучия общественно-политической ситуации и временности экономических трудностей. В сегодняшней России ситуация усугубляется тем, что внешнее сохранение свободного рынка создает опасную иллюзию "нормальности" общей ситуации. Также этому способствует общее стабильное состояние и наличие определенной финансовой подушки. При всех негативных прогнозах относительно возможного роста экономики все специалисты сходятся на том, что для сегодняшней России невозможно повторение ситуации конца 80-х – начала 90-х.

С другой стороны, экономические прогнозы показывают, что Россия не способна вернуться к темпам роста нулевых, а это значит, что она не может войти в число экономических лидеров по основным показателям². После последнего кризиса 2016 года Россия осталась не готова к основным вызовам: демографический кризис, отсутствие рынка инвестиций, преодоление ресурсной модели экономики. Без решения этих проблем Россия не сможет перейти к модели роста и будет оставаться на низком уровне, постепенно увеличивая отставание от лидеров. Часть экономических показателей в сегодняшней России искусственно завышены за счет перекоса государственного влияния в определенных отраслях. Например, рост вливаний в ВПК и "национальные проекты" дает значимый вклад в индикаторы, но фактически не влияет на развитие частного бизнеса и не является драйвером экономики.

Одновременно, ситуация на микроэкономическом уровне продолжает деградировать. Малый и средний бизнес не развивается в легальном поле, все активнее переходит в формат "неформальной гаражной экономики" и белый рынок труда сокращается, чему также способствует политика государства в области пенсионного и социального обеспечения³.

1 Революция Гайдара: история реформ 90-х из первых рук, Петр Авен, Альфред Кох, Москва 2013.

2 The Russian Economy: Short-Term resilience, Long-Term stagnation. by Sergey Aleksashenko; Atlantic Council. Eurasia Center, August 2018;

3 Распределенная жизнь. Где искать признаки особого пути. М. Трудолюбов, <https://republic.ru/posts/90395>

Ростролигосударства, которое распространяется не столько в формальных практиках, сколько через неформальные связи и кланы, контролируемые “силовиками” разного уровня и ведомств, также добавляет неопределенности в общее состояние.

Около 10 лет назад в Кремле была провозглашена стратегия развития супер энергетической державы, в рамках которой предполагалось, что к 2020 году Россия сможет успешной страной с высокотехнологической развитой экономикой, а рост благосостояния населения значительно вырастет и приблизится к стандартам западноевропейских стран. К сожалению, доходы, полученные от продажи энергоносителей не удалось инвестировать в развитие технологий и экономики, рост благосостояния не получился. Более того, все проекты по развитию энергетики тоже остались на уровне мифов, т.к. изначально не закладывались средства в разработку новых месторождений, либо не учитывалось,

что эти расходы слишком высоки и разработка нерентабельна.⁴ Таким образом, в перспективе следующего десятилетия продажа энергоносителей не только не принесет доходов для рывка экономики, но и более того, скорее всего, перестанет поддерживать экономику и даже бюджет страны.

Одновременно, те структурные реформы, которые проводятся в России в течение последних 10 лет по мнению граждан только ухудшают ситуацию в этих отраслях. В 2016-м году фокус-группы, которые проводились в разных регионах России в рамках кампании группы оппозиционных кандидатов в ГД, показали крайне негативные оценки реформ систем образования, медицины, социального обеспечения, прав собственности, а также реформ, связанных с улучшением условий для малого и среднего бизнеса. Респонденты высказывались о том, что уже заранее понятно, что, как только объявляется реформа, сразу же можно крест ставить на всем, что останется.

---

⁴ <https://www.4freerussia.org/russia-scenarios-2030/>

Одновременно эксперты, которые занимаются оценкой результатов реформ, отмечают, что есть серьезные расхождения в оценках со стороны бенефициаров и со стороны статистических показателей и исполнимости плана реформ со стороны чиновников⁵. Ряд экспертов отмечает, что реформы реализуются без учета особенностей политической системы и реальных практик взаимодействия чиновников на разных уровнях власти в условиях “вертикали”, провозглашенной и строящейся с середины 2000-х.

Очевидно, что неудачные и вызывающие дискомфорт и снижение качества услуг реформы вызывают у широких слоев общества отрицательные эмоции. В первую очередь недовольство направлено на правительство, местные и региональные власти, в то время, как фигура “лидера” остается вне этого. Из года в год рейтинг В. Путина остается самым высоким, а остальные государственные фигуры и институты заметно менее одобряемы, хотя их рейтинги чаще всего “подтягивает” путинский рейтинг. Если сравнивать ситуацию с 90-ми, когда рейтинг “лидера” был очень низким и тянул туда же рейтинги институтов и отдельных государственных деятелей, можно предположить, что действительно для россиян прежде всего важна фигура “лидера”, отношение к которой определяет все остальное восприятие политики, политиков и государственных институтов.

Как отмечают исследователи, негативное отношение к 90-м в обществе прежде всего связано с потерей чувства безопасности после радикального изменения всех сторон жизни и необходимости менять привычные паттерны, искать новые, а также осознавать новые ценности после разочарования или развенчания старых. По мере изменения ситуации и общей стабилизации в 2000-х запрос на безопасность стал отходить на второй план, в то время, как на первое место вышел запрос на чувство принадлежности

к группе и появился запрос на самореализации и поиск социальных лифтов⁶. Одновременное влияние мирового кризиса на экономику страны показало, что общественный контракт не работает – безопасность не гарантирована, страна сильно зависит от мировых рынков и не является лидером в мире, а рост благосостояния не бесконечен⁷. При этом к середине 2000-х российское общество преодолело проблемы транзитного состояния и к 2011-му году произошла консолидация общества в отношении власти, демократии, государства и политики в целом. Около 80% общества поделились пополам между либерально-индивидуалистическими и социал-демократическими подходами⁸.

Первые опыты консолидации для решения конкретных вопросов безопасности, появление новых инструментов коммуникации и парадигма онлайн-сообществ в 2010-2011⁹ показали, что с обеспечением базовых потребностей общество на местном уровне общество может справиться само и нуждается только в возвращении свобод (в виде возможности избирать и быть избранными). На протяжении первой половины 2010-х Владимир Путин и группировки, сохранявшие монополию на власть и управление в стране, не могли справиться с нарастающей волной негативных оценок. Психологический образ власти к началу 2014-го года был негативным у более чем 50% общества (ср. с 35% в 2000-2008). Массовые протесты 2011-2012 гг. также продемонстрировали слабую способность власти на федеральном уровне, реагировать на возрастающий запрос на самоорганизацию и самоуправление в определенных социальных группах.

Аннексия Крыма и агрессивная международная политика фактически спасли Путина и правящую элиту от следующего кризиса легитимности. Они дали ощущение величия страны и ее значимости и влияния в мировом контексте, запрос на которое

5 Судьба экономических программ и реформ в России. Материалы круглого стола. Журнал “Вопросы экономики”, №6, 2017.

6 Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии. Е.Б. Шестопал, Журнал “Полис: политические исследования”, №1, 2015.

7 Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии. Е.Б. Шестопал, Журнал “Полис: политические исследования”, №1, 2015.

8 Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии. Е.Б. Шестопал, Журнал “Полис: политические исследования”, №1, 2015.

9 Прежде всего, речь о кампании “Нужна помощь” во время аномальной жары в 2010 году и серьезных лесных пожаров, от которых пострадало большинство регионов страны. Именно из этого движения возникли первые устойчивые волонтерские проекты, созданные без поддержки и не по инициативе государства.

артикулировался еще в 90-х¹⁰.

Исследования, проведенные уже в конце 2014, показали, что при том, что общество избавилось от посттравматического синдрома, вызванного распадом СССР, экспансионистские и имперские настроения в обществе не имели большой поддержки. Российское общество хочет видеть Россию в мировых лидерах по уровню благосостояния и качества жизни и гарантий безопасности ее жителям. Россияне выступают за международное сотрудничество, которое позитивно сказывается на их благосостоянии и не хотят чувствовать себя в “осажденной крепости”. Дальнейшие несколько лет показали, что настроения в обществе стали изменяться еще сильнее в направлении, противоположном тому, которое предлагалось правящими элитами по инерции прошлых лет.

На сегодня в обществе существует устойчивый запрос на изменения, который был отмечен уже в 2016-ом году в рамках закрытых фокус-групповых исследований, проводимых с участием автора. В тот период этот запрос артикулировался очень осторожно: большинство респондентов (даже в группах, настроенных негативно по отношению к действующей власти) указывали, что частичные перемены невозможны (потому что косметические меры не улучшат ситуацию в стране), а радикальные перемены приведут к революции и анархии (и повторению 90-х). Основные пожелания у респондентов заключались в том, чтобы в стране появились новые лидеры, на которых можно было бы положиться и уровень доверия к которым был бы высоким.

Образ таких лидеров можно описать, как “политики, зависимые от сообщества”. С одной стороны они должны быть уважаемыми, знающими, доказавшими свои лидерские и интеллектуальные

качества, но с другой стороны – они должны сохранять высокий уровень связи со своим сообществом, должны быть зависимы от него и постоянно подтверждать свою честность и бескорыстность своих действий.

Исследования, проведенные в 2018-ом году¹¹, показывают, что эти ожидания укрепились еще больше. В обществе отмечается выход из состояния выученной беспомощности, которое по мнению Сэма Грина было характерно для россиян в 2000-ые гг., преодолены последствия травмы распада СССР, в определенных социальных и возрастных группах есть устойчивые навыки формирования сообществ и построение систем доверия¹², которые в свою очередь решают проблему безопасности и принадлежности к группе. Таким образом, в обществе на первом месте встает проблема самореализации, которая для большинства тех, кто ее артикулирует, является нерешаемой без политических изменений в стране.

По итогам исследований 2018 года видно, что запрос на перемены в обществе был общим, без конкретизации и без указания на акторов этих перемен. В целом общество ожидало появления такой социальной группы, которая бы стала драйвером этих перемен. Достаточно большие ожидания со стороны общества были возложены на молодежь. При этом сама молодежь (в первую очередь студенты) действительно больше других заинтересованы в переменах, однако и в других социальных группах запрос на перемены превышает 50% - научно-техническая интеллигенция, рабочие, бюджетники¹³.

Одновременно в группах, которые традиционно меньше всего ожидают перемен - пенсионеры, военные и сотрудники правоохранительных органов, работники сферы финансов, услуг и торговли, сельские жители, госслужащие, – также как минимум 1/3 респондентов хотят изменений¹⁴.

10 Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе. М.К. Горшков, В.В. Петухов, Журнал “Полис: политические исследования”, №2, 2015.

11 Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители. В.В. Петухов, Р.В. Петухов, Журнал “Полис: политические исследования”, №5, 2019;

12 Доверие в нестабильном российском обществе. П.М. Козырев, А.И. Смирнов, Журнал “Полис: Политические исследования”, №5, 2019;

13 Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители. В.В. Петухов, Р.В. Петухов, Журнал “Полис: политические исследования”, №5, 2019;

14 Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители. В.В. Петухов, Р.В. Петухов, Журнал “Полис: политические исследования”, №5, 2019;

2. Анализ ожиданий в гражданском секторе в регионах России.

2.1 Общие тренды

Кампания в Московскую Городскую Думу 2019 и последующие общественные протесты в Москве показали, что:

1. в обществе появились те самые “политики, зависимые от сообщества”, запрос на которых артикулирован во время исследований в 2018 г. Как минимум мы наблюдаем их в Москве уже оформившихся на региональном уровне. В других регионах мы наблюдаем, что есть лидеры, которые готовы занять это место, как только там начнется региональная кампания в парламент.
2. сообщества готовы мобилизовываться на то, чтобы поддерживать и защищать таких лидеров и фактически, защищая их, люди выходят защищать свои интересы. Поскольку в регионах такие лидеры еще сильнее связаны с конкретной социальной или инфраструктурной местной повесткой, связь лидеров и сообщества, может быть даже сильнее, чем в Москве.
3. молодежь, от которой ожидается, что она будет артикулятором запроса на перемены, поддерживается и одобряется обществом и общественное мнение готово защищать молодежь от преследования (этот тренд новый по сравнению с предыдущими тремя годами, когда в обществе не было консолидированной поддержки протестующих¹⁵,
4. понимание того, что нынешние политические элиты не хотят и не способны обеспечить необходимые обществу перемены становится все шире, охватывая те слои, которые ранее были равнодушны,
5. одновременно усиливается понимание, что , политические элиты страны стремятся сохранить власть, удерживая ее силовым образом, что усиливает делегитимизацию власти.

В рамках первого этапа экспертного обсуждения обсуждалась текущая ситуация после августа 2019г. и логика поведения различных социальных групп (политические и экономические элиты разных уровней, лидеры и активисты протестных движений, представители силовых структур на разных уровнях), понимание и восприятие происходящего в России со стороны международного сообщества и коммуникация представителей российских правящих элит с другими странами, а также возможные сценарии развития ситуации в ближайшие 5 лет.

По итогам были выделены следующие важные элементы для построения прогнозов:

1. проблема 2024 (и ее промежуточный пункт в 2021 во время выборов в ГД);
2. усиление и направления усиления репрессивной политики для удержания власти при снижении ее уровня легитимности;
3. сценарии развития регионального и местного развития в условиях ухудшения экономической ситуации;
4. модели поведения бизнеса (малый, средний, крупный) в условиях кризиса легитимности, ухудшения экономической конъюнктуры и ограничений на рынке (контрсанкции, искусственные барьеры для импорта и конкуренции в отдельных отраслях, условия безопасности и тд);
5. механизмы расширения или сворачивания активизма под давлением репрессий и из-за разочарования общей ситуацией;
6. механизмы поддержания легитимности и стабильности политического режима для внешних наблюдателей;
7. необходимость присутствия в международных организациях и подтверждение значимости России, как полноправного партнера ведущих стран мира.

Дальнейшие интервью проводились уже для того, чтобы уточнить и глубже проанализировать эти

¹⁵ Один из респондентов высказал мнение, что это связано с тем, что в отличие от кампании Навального, в Московских событиях было много лидеров (т.е. кандидатов), а также потому что всем была понятна мотивация “я вышел в защиту своей подписи и своего права голоса”. В этом плане ситуация была намного ближе к 2011-ому году. Одновременно другой респондент отметил, что разница именно между Москвой и другими регионами. И если бы протесты были не в Москве, а в регионах, то в общественном мнении было бы больше восприятия “детей вывели на улицу плохие лидеры”.

направления и оценить мотивацию и потребности различных акторов.

Дополнительным важным фактором, который отметили несколько участников обсуждения, является рост эмиграционных настроений и ощутимый рост числа уехавших в течение последних 5 лет. Хотя этот фактор не будет включен в дальнейшее рассмотрение в данном исследовании, было отмечено, что социальная группа “новые эмигранты из России” может оказывать влияние, как внутри России (за счет постоянной коммуникации), так и вне России (по мере интеграции и влияния на общественное мнение в странах проживания).

2.2 Проблема 2024

Респонденты отмечают, что это фактически ключевой вопрос, который важен для всех игроков во всех отраслях. Исследование проводилось до внесения поправки об обнулении президентских сроков Владимира Путина и респонденты фактически сошлись на трех вариантах решения проблемы:

- изменение Конституции и попытка переизбрания на 3 срок;
- введение новой должности с фактическими рычагами управления страной;
- передача власти преемнику

Изменение Конституции и баллотирование В. Путина в 2024 году

На сегодняшний день фактически нет препятствий для такого изменения – Парламент в России полностью подчинен Администрации Президента, равно, как и законодательные собрания в регионах фактически лояльны федеральному руководству.

Периодически в общественное обсуждение вбрасывается идея отмены ограничения в два срока, чтобы проверить насколько это находит поддержку в общественном мнении.

Опубликованные летом 2019 года данные о том, что порядка 40% россиян не хотят видеть Путина в качестве главы государства после 2024 года (<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/07/30/807570-rochti-rossiyan>). При этом 43% уверены, что россияне поддерживают Путина потому что больше нет никого, кому бы они могли

доверять. И только 24% (в 2016 этот показатель был 39%) считают, что доверие Путину вызвано тем, что он может успешно справиться с проблемами в стране.

Таким образом, на сегодняшний день у Путина минимальный кредит доверия за весь период его лидерства, один из максимальных рейтингов недоверия, и очевидна усталость от него в качестве лидера.

Если данный тренд не изменится радикально, то изменение Конституции под третий срок не решит полностью проблему политического будущего Владимира Путина. Очевидно, что только значительные изменения в стране могут переломить ситуацию. В предыдущие годы вера в то, что Путин может решить проблемы страны, росла в периоды, когда снижалось чувство безопасности и появлялись внешние угрозы. Таким образом, необходимым условием для реализации этой стратегии должна быть серьезная внешняя угроза безопасности, которая либо возникнет сама по себе, либо будет спровоцирована Кремлем.

Введение новой должности с фактическими рычагами управления страной

Этот сценарий активно обсуждался в течение всего 2019 года.

Респонденты связывали это со сценарием расширения фактической территории страны, т.е. в случае “захвата” соседних стран из числа бывших советских республик. Опыт “крымского похода” показал, что, с одной стороны, экспансия может дать быстрый “впрыск” оптимизма в общественное мнение, с другой стороны, стоит умеренно дорого, если организована без прямого насилия и военного захвата, а с третьей демонстрирует развитие, которое так необходимо в условиях, когда стабильность стала стагнацией.

На сегодняшний день есть две страны, которые могут рассматриваться в качестве потенциальных “новых территорий” на условиях особого партнерства – Беларусь и Казахстан. Очевидно, что ни одно из этих государств не волеется в Россию, как это было с Крымом. Однако, на уровне конфедеративного партнерства сценарий объединения возможен и даст необходимую позицию “главы Конфедерации”.

В этом направлении очевидно есть три

составляющих, которые повлияют на окончательное принятие решения: общественное мнение и мнение элит в России, общественное мнение и мнение элит в Беларуси/Казахстане, а также мнение политических элит в Европе.

Передача власти преемнику

Этот сценарий воспринимался, как самый неудобный для Кремля. Во-первых, это повторение ситуации 2008 года, а значит, для многих это будет выглядеть сразу в перспективе “рокировки 2011” и расцениваться негативно. Во-вторых, подбор преемника, который будет достаточно авторитетен с одной стороны, и подконтролен с другой – это не очень простая задача. В-третьих, несмотря на общий консенсус элиты о том, что необходимо удержать стабильность и власть любой ценой, постоянные противоречия между “башнями” существуют. На сегодняшний день эти противоречия сдерживаются через постоянного удерживания паритета между лагерями и быстрого его восстановления в случае обострений. Удерживать такой баланс после передачи власти кому-либо будет намного сложнее. Кроме того, в условиях снижения рейтинга передача власти преемнику становится намного рискованнее, чем это было в 2008-м.

На сегодня опыт показывает, что на местном и региональном уровнях люди способны и готовы голосовать за “технических” кандидатов, если не видят достойного и популярного кандидата “от власти”, запрос на новые лица в политике намного выше, чем в 2007-2008, и в целом ситуация становится скорее ближе к 1999-му году, когда в роли преемника был Путин.

И даже, если данный сценарий будет разворачиваться в сторону повторения сценария 1999-го года, основной вопрос будет связан с безопасностью не только Путина и его семьи (как это было на тот момент), но и с безопасностью всей архитектуры нынешнего режима. Поэтому вероятность потери контроля над ситуацией в стране очень высока и такой сценарий можно оценивать, как рискованный не только лично для Путина, но и для условного “Кремля” в целом.

Выборы в Государственную Думу 2021 можно считать промежуточной проверкой ситуации. Их

результаты будут важны, как для Кремля, так и для оппозиции для принятия дальнейших решений проблемы 2024.

Последние два года каждую осень Кремль переживает испытание легитимности на региональном уровне. Если местные выборы Кремлем фактически отданы под управление и контроль регионов (с общим пожеланием снижения количества публичных конфликтов), то региональные выборы остаются важными для Кремля для контроля за региональными элитами. В 2018-ом году стало ясно, что управление губернаторскими выборами через так называемый фильтр не спасает от делегитимизации региональных выборов. В случае, когда “кандидат Кремля” не устраивает региональные и местные элиты, выборы могут выиграть “технические кандидаты”.

Таким образом, уже сегодня очевидны две противоречивые задачи, которые Кремлю необходимо реализовать в 2021 году:

- повышение (или просто поддержание) легитимности власти на региональном и федеральном уровнях;
- формирование лояльного большинства в Федеральном Собрании после 2021 года.

Для решения первой задачи необходимо показать, что выборы пройдут свободно и с допуском оппозиции, а для решения второй задачи необходимо не дать оппозиции взять даже небольшое количество мест. Как мы видим из результатов выборов в МГД в 2019 году, даже небольшое количество независимых от исполнительной власти (и зависимых от гражданского общества) депутатов создают все условия для дальнейшего снижения легитимности всей системы – скандальное обсуждение бюджета, круглый стол на территории МГД с участием Навального и т.д. - демонстрирует потерю абсолютного контроля и изменение политического ландшафта.

В 2016-ом году обе задачи были успешно решены – к участию в выборах были допущены и кандидаты от партий Яблоко и Парнас. Были беспрепятственно зарегистрированы кандидаты, которые позиционировали себя, как оппозиция, а также те, кто открыто ассоциировали себя с брендом Открытой России. С другой стороны, тогда аппаратными методами был обеспечен недопуск кандидатов, связанных с Навальным и ФБК.

Важным элементом успеха Кремля было то, что в 2016-ом не было технологии защиты подписей, которая была опробована независимыми кандидатами в 2019-ом в Москве. Таким образом, достаточно было аппаратным способом отсеять “лишних” кандидатов от субъектов выдвижения и далее можно было лишать не допускать их на этапе проверки подписей. После ситуации в Москве в 2019-ом подобная стратегия становится более рискованной для Кремля, т.к. требует дальнейшего усиления репрессий во время кампании, что чревато снижением легитимности.

Таким образом, единственным способом приемлемой борьбы с оппозицией и растущим количеством независимых лидеров, становится агрессивная их дискредитация. Сегодня основной репертуар дискредитации – это обвинения в работе на иностранные государства и блокирование потенциальных кандидатов фальсификацией уголовных дел с ограничением их прав и возможностей для участия в выборах.

Насколько такая стратегия успешна, можно будет оценить в течение 2020-го года.

Также обсуждался сценарий ограничения полномочий Государственной Думы и превращения ее в декоративный орган с консультативным статусом. Респонденты отмечали, что в таком случае в ГД будет возможно наличие оппозиционной фракции, которая будет создавать определенную иллюзию демократии и дискуссии. Этот сценарий очень позитивно оценивался респондентами в контексте компромисса для региональных групп интересов. Превращение Государственной Думы в аналог Общественной Палаты для разных групп интересов из регионов, которые будут иметь публичную площадку и доступ к Владимиру Путину прямо отвечает потребностям не крупных игроков, чьи интересы сейчас больше всего ущемляются.

О том, насколько нынешние поправки в Конституцию в части реформы ГД соотносятся с такой моделью, можно будет судить, когда начнется избирательная кампания. Если Кремль даст больше пространства возможностей для консолидирования поддержки вокруг каких-либо оппозиционных сил и их участия в выборах, значит именно такой сценарий был принят.

2.3 Усиление и ожидаемые направления репрессий для удержания власти при снижении ее уровня легитимности

Как и все другие элементы режима, репрессии в России – это сложная комбинация действий акторов, внутри которой сталкиваются интересы различных силовых ведомств, групп политических менеджеров Кремля. В длительной перспективе это ограничивает возможности развития гражданского общества, одновременно не закрывая их полностью. Поэтому ситуация позволяет лидерам и активистам гражданского общества находить новые способы взаимодействия и работы.

В перспективе ближайших лет не стоит ждать значительных изменений в этом направлении. С одной стороны, все эксперты сходятся во мнении, что резкое усиление репрессий невозможно, с другой – нереалистичны сценарии того, что текущие политические элиты откажутся от этого инструмента, либо перестанут постепенное увеличение давления.

События лета 2019-го года показали, что даже незначительное увеличение давления на протестующих, вызывает негативную реакцию в обществе. Один из экспертов указал, что в отличие от митингов за выдвижение Навального в 2017-2018, сейчас выражается больше поддержки протестующим, а насилие государства выглядит излишним и жестоким. Если в 2017-2018 многие пассивные обыватели высказывались, что “Навальный заморочил головы детям, но пусть им это будет уроком”, то сейчас общее направление рассуждений такое: “москвичи вышли, чтобы защитить свои интересы, а их за это сажают”. Появился широкий интерес к проблеме политических репрессий и политических заключенных. Многие только сейчас заметили, что словосочетание “политический заключенный” может быть применимо к их современникам. До этого они считали, что такого в современной России нет.

Несколько экспертов отметили, что не ожидали, что “метропикеты” могут стать такими популярными и полезными. Они оказались удачным сочетанием вовлечения активистов в регулярную активность и демонстрации массовости без усилий на организацию больших акций, трудными для подавления, а также хорошим способом донесения информации до более широкого круга людей.

С другой стороны, надо отметить, что наиболее удачные для власти репрессивные меры, связаны с ужесточением законодательства и наступлением на свободу объединений и организаций. Во-первых, этому трудно противодействовать на этапе законотворчества. Несмотря на негативные отзывы, законы принимаются с минимальным учетом мнения гражданского общества. А в дальнейшем они начинают применяться, несмотря на их размытое трактование, а зачастую именно благодаря этому размытому толкованию.

Безусловно их действие отсрочено – несколько экспертов отметили, что в среднем новый закон начинает действовать через 1,5-2 года после принятия. Их действие можно несколько ограничивать крупными кампаниями поддержки тех или иных акторов, против которых применяются эти законы, особенно, если такие кампании выходят за пределы России. Однако, невозможно их полностью остановить. Например, наступление на Мемориал проходило в несколько этапов. Причем в начале репрессивные действия останавливались в момент, когда на проблему начинали обращать общественное внимание внутри и вне России. А в настоящее время даже общественное внимание не очень помогает.

Также один из экспертов отметил, что законодательство будет дальше усиливаться в отношении отдельных лиц, ограничивая их возможности объединения в неформальные организации, поскольку для объединения в зарегистрированные официально организации уже нет возможностей.

Большинство экспертов, которые следят за международной политикой, отмечают, что для сдерживания репрессий, очень важно максимально использовать мнение международной общественности. В конечном итоге для российской политической элиты важно как минимум сохранение статус-кво в отношениях с европейскими странами, а как максимум возвращение к ситуации до 2014-го года. Российские власти традиционно ориентируются на поддержку стран Южной Европы и Франции, сохранение рационалистической позиции Германии, Голландии и скандинавских стран и игнорирование негативного мнения стран Центральной и Восточной Европы.

Ряд экспертов отметили, что для политических элит европейских стран важнее изменения в местных

общественных настроениях относительно России. Так, например события в Москве летом 2019-го активно освещались в разных странах Европы и показали европейцам, какой ценой обеспечивается легитимность действующей власти. Чем больше избиратели в европейских странах будут требовать от своих политических элит четкой ценностной позиции в отношении Кремля, тем труднее будет российским властям сохранять статус-кво в международных отношениях без ограничения своей репрессивной политики.

Привлечение внимания к политическим делам, особенностям ведения следствия и суда, давлению на активистов, законодательные изменения последних лет, широкое распространение этой информации и повышение давления на европейских политиков со стороны их избирателей поставит российские власти в сложное положение.

Уменьшение репрессий ради сохранения внешнего статус-кво даст больше возможностей для гражданского сектора почувствовать свою силу и вовлечь большее количество новых групп активистов и скрытых сторонников, что в перспективе создаст инфраструктуру для развития публичных массовых протестов. Сохранение репрессий в качестве основного инструмента поддержания легитимности внутри страны ослабит внешний статус кво и, таким образом, увеличит общее недовольство российского общества положением России в мире, что приведет к снижению легитимности и росту массового недовольства в условиях отсутствия инфраструктуры его публичной артикуляции.

2.4 Сценарии развития регионального и местного развития в условиях ухудшения экономической ситуации

Оценки текущей ситуации и прогнозов сильно разнятся в зависимости от положения эксперта. Поэтому для ответа на этот вопрос автором были проведены дополнительные интервью на условиях полной анонимности с представителями региональных элит в нескольких регионах и политтехнологами, которые участвуют в региональных кампаниях.

Основные вопросы, которые им были заданы:

- насколько региональные и местные элиты встроены в "вертикаль" и солидарны с федеральными

элитами?

- каким видят региональные элиты развитие своих регионов в перспективе 10 лет?
- насколько региональные элиты заинтересованы в развитии или уничтожении гражданского общества, свободных СМИ, политических партий и тд?
- насколько региональные элиты зависят от общественного мнения?

Региональные элиты меньше рассчитывают на долгосрочное планирование и бюджетные обязательства, чем это было 3-5 лет назад. Это в значительной мере стало определять личные стратегии региональных и местных чиновников. Одновременно выявилось "слабое место" в вертикали. Губернаторы-технократы, которые казались удачной технологией для федеральной власти, оказались сильно подчинены региональным элитам. Поскольку у них очень маленький собственный вес, их успех в регионе оказался целиком зависим от региональных и местных элит, а менять одного (менее стоворчивого) на нового (с которым возможно получится договориться) региональные элиты уже научились. Более того, довольно успешной оказалась тактика использования протестного голосования, при которой руководителем региона оказывался достаточно случайный, но хорошо управляемый региональной элитой представитель партии-спойлера. Известно, что после первых успехов стратегии "умного голосования" региональные политтехнологи уже обсуждают с заказчиками возможность использования ее для своих целей. Подбирая "правильных" кандидатов от партий-спойлеров и незаметно помогая во время кампании гражданским активистам промоутировать "умное голосование", они планируют провести более удобных для себя кандидатов в Законодательные Собрания и даже на пост губернатора.

Это, в свою очередь, опять повышает статус и возможности региональных отделений партий-сателлитов. Управление региональным отделением даже непарламентской партии (включая Яблоко и Парнас) дает возможность участвовать в региональных выборах осенью 2020 и в парламентских в 2021-ом. При этом возможность регистрации по подписям на региональных выборах для кандидатов от ПАРНАС становится реалистичной в ряде регионов, где

конфигурация местных и региональных элит позволяет это.

Таким образом, если по итогам региональных выборов 2020 хотя бы в одном регионе будет выбран хотя бы один депутат от партии ПАРНАС, это сильно расширит возможности коалиционного строительства на парламентских выборах 2021. Для так называемой "несистемной" оппозиции будет возможность ведения переговоров о площадке для выдвижения, как с Яблоком, так и с ПАРНАСом. Можно предположить, что это в какой-то мере повторит сценарий 2016 года, с той разницей, что настроения в обществе значительно отличаются, а инструментарий новых оппозиционных лидеров значительно расширился.

Интересно описывается региональными респондентами восприятие гражданского общества, свободных СМИ, активистов новых движений. Преимущественно они интересуют региональные элиты в ситуациях, когда их можно использовать в своих целях (например, для борьбы с нежелательным губернатором или проведения "своих" депутатов). С другой стороны, гражданский сектор пугает элиты своей неподконтрольностью и непредсказуемостью, а также "неорганизованностью". Один из респондентов признался, что "он за демократию, конечно, но должна же быть какая-то организация этого, а то непонятно, с кем договариваться". По сути в регионах необходимо восстанавливать публичные площадки коммуникации, презентовать новых лидеров и развивать инструменты социальной медиации. Один из респондентов высказался следующим образом: "Все были уверены, что если убрать лишнее, то мы сможем быстрее развивать наш регион, легче получать бонусы от Москвы, поэтому многие активно включились в борьбу с революционерами. Только теперь выходит, что те революционеры были намного менее радикальные и более встроенные в систему, чем то, что сейчас. А так получается что? Чтобы дальше навести порядок, надо своих сограждан что ли убивать? Так нам потом никакая Москва не поможет – нас просто на вилы поднимут же. Так что приходится как-то лавировать пока".

Одновременно у многих гражданских активистов и оппозиционных лидеров в регионах настрой очень пессимистичный. Они не ощущают себя силой или частью большого движения, не всегда видят солидарность и поддержку со стороны их организаций:

“пока ничего не случится, все нормально, а как приходят с обыском к кому-то, так даже адвоката не помогают найти – самое большое, что можно ожидать, это упоминание в СМИ”.

В целом, оппозиционных активистов в регионах можно разделить на два блока. Первые – это те, кто научился воспроизводить и поддерживать сообщество внутри региона, являясь точкой координации в активном сообществе, и это дает им вдохновение и мотивацию. Вторая группа – это те, кто остается в модели собственной активности при пассивном сообществе и они быстро выгорают, не чувствуют поддержки, а наоборот ощущают бесполезность своих усилий, несмотря на прошлые успехи и опыт.

2.5 Модели поведения бизнеса в условиях кризиса легитимности, ухудшения экономической конъюнктуры и ограничений на рынке

В этой теме большинство участников исследования старались избегать обобщений, концентрируясь на кейсах. Создается впечатление, что эта аудитория остается самой сложной для анализа и оценки.

Вот только несколько тезисов, которые более или менее прозвучали у многих респондентов:

1. малый бизнес все больше уходит в серую зону - “гаражная экономика” наступает и распространяется одновременно с двух сторон. С одной стороны, действующие ИП закрываются и переходят в формат “фриланса”, а фактически продолжают делать то же самое, но без ведения налогового учета. С другой стороны, все больше молодых людей начинают заниматься бизнесом без регистрации ИП и со временем приходят к выводу, что лучше этого и не делать. Например: “Моя дочь продает через инстаграм подарочные наборы. Когда она стала получать доход, она хотела снять офис, зарегистрироваться и платить налоги, но посчитала все это и в итоге сняла квартиру под склад и мастерскую и продолжает работать без регистрации”.
2. Средний независимый бизнес – это самая уязвимая группа, которая больше всего чувствует падение спроса и экономики. Они наиболее независимы в своей позиции, ищут новые источ-

ники дохода и вдохновения. (“У нас в регионе есть предприниматель. Он долларовый миллионер, владелец нескольких бизнесов. Держится в стороне от государства и единственный открыто поддерживает любую оппозицию. Недавно он начал собирать небольших предпринимателей, которые находятся в его городе и ведет с ними занятия и консультации, чтобы помочь им в развитии. Говорит, что ему это интересно, потому что они аудитория его бизнеса, а еще смотрит, получится ли из этого сделать бизнес-школу.”

3. Большинство предпринимателей не готовы открыто поддерживать оппозицию или проводить “своих” кандидатов в региональные парламенты, но как часть сообщества участвуют в кампаниях в поддержку независимых кандидатов МСУ. Некоторые помогают конфиденциально, но при этом делают это из соображений благотворительности, а не потому что считают это инвестицией в решение своих интересов. “Я предлагал одному предпринимателю с достаточно устойчивой позицией сформировать фракцию через поддержку группы кандидатов от разных партий. Он сказал, что это слишком опасно. А потом предложил, что он даст денег, но так, чтобы об этом никто не знал и в том числе, чтобы эти кандидаты не знали, что он их поддерживал.”.

2.6 Механизмы расширения или сворачивания активизма под давлением репрессий и из-за разочарования общей ситуацией

Основной вывод на сегодня в том, что в России в данный момент не существует какого-либо серьезного политического движения за изменение режима в стране, которое бы выступало, как субъект и вело регулярную “освободительную борьбу”. В целом существует сложная сеть из отдельных организаций, групп, движений, партий, сообществ, общественных организаций, которые объединяет общее недовольство текущей ситуацией и которые стараются создать инфраструктуру выживания во враждебной среде. По мнению экспертов вряд ли ситуация значительно изменится в течение ближайших 4-5 лет. Скорее все эти группы находятся в ожидании какого-то серьезного триггера, который бы привел к возникновению массового недовольства, которое

«Разговор с Дмитрием Медведевым», 2019. Источник: government.ru

можно было бы канализировать в активные протестные действия на базе уже существующей инфраструктуры коммуникации, акций и взаимопомощи.

Одновременно и политические элиты не планируют изменений политического режима (ни в какую сторону) без серьезного триггера: репрессивная политика усиливается только в ответ на расширение протестных действий, а демократизация носит декоративный характер необходимый для решения конкретной проблемы – кратковременного снижения недовольства или для улучшения внешнего имиджа режима.

Такой статус-кво по мнению нескольких экспертов сильно влияет на характер участия активистов и лидеров. С одной стороны, лидеры адаптируются к ситуации и начинают видеть смысл в повседневном состоянии борьбы в большей степени, нежели в завоевании власти и последующей демократизации, с другой стороны многие из них перегорают или радикализируются по мнению окружающего их сообщества.

А активисты, либо присутствуют в сообществе для решения своей конкретной проблемы, либо присутствуют латентно, выходя только на отдельные акции и мероприятия и помогая регулярно финансово.

Многие одновременно планируют эмиграцию, не видя какой-то стратегической задачи в своей активистской деятельности.

В целом, все отмечают, что внутри российского общества на сегодняшний день существует консенсус о необходимости изменений, но пока нет мейнстримного понимания, как их начинать. Таким образом, эксперты скорее склоняются к мнению, что без какого-то значительного триггера этих изменений не начнется.

Опираясь на предыдущий опыт, многие из опрошенных предположили, что такой триггер может возникнуть в результате обсуждения и принятия решения по проблеме 2024, либо непосредственно во время парламентских выборов в 2021 или президентских выборов в 2024-ом году. Социально-экономические условия, проблемы безопасности, дальнейшее сокращение свобод и ограничение прав могут быть только сопутствующими элементами, которые усилят степень фрустрации, связанной именно с политическим решением.

Одновременно, все респонденты отмечали, что гражданский сектор, который существует сейчас не исчезнет и не станет существенно слабее, если политические элиты не инициируют по-настоящему

массовых репрессий. Как уже было указано выше, все эксперты сошлись на том, что это мало реалистичная ситуация – репрессии могут усиливаться, но в ограниченном масштабе и постепенно, что дает возможность гражданскому сектору подготовиться, изменить свою структуру и найти новые механизмы защиты и действия.

Важный момент был отмечен одним из экспертов: *“На сегодняшний день, фактически существует масса разных замороженных активистов и сторонников перемен. Они молча сочувствуют активистам, некоторые незаметно поддерживают, но выступать открыто они не будут до тех пор, пока не убедятся, что у власти не остается ресурсов для подавления и что власти никто не слушает. А это будет только тогда, когда бюджеты затрепещат по швам, или же, когда силовики перестанут преследовать инакомыслящих.”*

Роль “силовики” вообще много и подробно упоминалась в разных контекстах, но единой модели поведения этой группы сформулировать не удастся. Все отмечают, что группа “силовики” - это очень сложный механизм отношений и противоречий, что нет единой модели их поведения, что каждый элемент внутри этой структуры фактически преследует свои интересы и соблюдает корпоративную этику постольку поскольку ему это выгодно. Тем не менее, именно за счет этой сложности, фактически сегодня обеспечивается определенный уровень давления и репрессий на гражданское общество, региональные и местные элиты, журналистов, предпринимателей, чиновников, и т.д. В сложной и противоречивой структуре всегда найдется какой-то элемент, которому окажется выгодно действовать в парадигме репрессий.

В связи с действиями “силовики” многие эксперты отметили также тот факт, что средний менеджмент может сколько угодно сочувствовать протестующим, но все равно будет продолжать выполнять все приказы в полной мере, потому что для них важнее внутренняя солидарность, а не причастность своему местному сообществу. При этом их недовольство внутренней ситуацией в ведомстве, несправедливость, связанная с вознаграждением, переработками и т.д. не является поводом для “предательства интересов”.

2.7 Механизмы поддержания легитимности и стабильности политического режима для внешних наблюдателей

Рядом экспертов было отмечено, что одной из задач Кремля является поддержание представления о стабильности режима в европейском и американском общественном мнении. В определенный момент результаты опросов, подтверждающие незыблемость рейтинга Путина, стали важны не только на внутреннем политическом рынке, но и на внешнем. Демонстрация поддержки и стабильности всего режима важна, как при обсуждении политической повестки дня, так и для экономических проектов.

Кремль старается максимально сократить любые неподконтрольные коммуникации общественных лидеров. Во всех международных мероприятиях, где существует возможность участия представителей НКО, состав официальных делегаций становится все более специфическим, а участие представителей гражданского общества ограниченным. Чаще всего участвуют одни и те же спикеры с повторяющейся из года в год риторикой, к которой привыкли европейские участники и не воспринимают ее, как что-то необычное. Кремль не противодействует участию этих людей, потому что, таким образом демонстрируется наличие “оппозиционных” взглядов, возможность дискуссии и критики на международном уровне при ограниченности этого мнения и поддержанию иллюзии, что только незначительное меньшинство недовольно ситуацией в стране.

В итоге формируется общее представление о ситуации в России в профессиональных кругах экспертов и политиков о том, что в целом общество удовлетворено состоянием дел в стране, действующий режим непоколебим и устойчив, против него выступают одиночки, у которых нет будущего.

Такую концепцию нарушают сообщения о массовых протестах, которые попадают в европейские СМИ время от времени. Однако, поскольку эти сообщения обрывочные и не рассказывают о регулярных трендах, то зачастую воспринимаются, как отдельные вспышки по частным поводам.

Во время событий в Москве летом 2019 года этот тренд был нарушен тем, что протесты носили длительный и постоянный характер, поэтому внимание журналистов стало выше. Появились материалы аналитического характера, где описывалась ситуация в целом.

Таким образом, очевидно, что привлечь внимание европейских СМИ к ситуации в России

можно только длительными и массовыми акциями протеста с одной стороны, а также более интенсивной и глубокой работой с европейскими журналистами по ознакомлению их с ситуацией в России - с другой.

Отдельное внимание ряд экспертов уделил ситуации с освещением политических репрессий в мировых медиа. . В целом представление о политических репрессиях очень специфическое – известно о преследовании меньшинств, причем с четким указанием на “традиционные” ценности, против которых они выступают – преследования ЛГБти на Северном Кавказе, преследования религиозных организаций, массовые задержания на акциях во время столкновения с полицией, и т.д.

По мнению экспертов такое пунктирное освещение репрессий в России вполне устраивает политическую элиту большинства европейских стран. Рациональное взаимодействие с Россией и Путиным считается адекватным вариантом, несмотря на конфликт в Украине и политику санкций. Более того, снятие остроты в российско-украинском конфликте дает возможность возвращения России во все международные структуры в полной мере и вполне принимается на уровне общественного мнения. Группа стран, которые активно возражают против того, чтобы воспринимать Россию, как полноправного партнера, – это страны Восточной и Центральной Европы, которые прошли посткоммунистический транзит, и их позиция оценивается с этой точки зрения: *“Поляков и литовцев всегда воспринимают, как противников России, ссылаясь на исторические события. Всегда считается, что мы сгущаем краски и критикуем не текущую политику Путина, а возможность сотрудничества с Россией при любой власти”*.

Возможно ли изменить отношение лояльных европейских политических и экономических элит к Кремлю? Мнения экспертов разделились. Ряд экспертов отметили, что до тех пор, пока Кремль не совершит агрессивных действий в отношении какой-либо европейской страны или корпорации, ничего изменить невозможно: та часть элит, которая настроена позитивно в отношении Кремля, не поменяет своей позиции и будет лоббировать интересы Путина, та часть, которая настроена прямо негативно, не увеличится значительно, а их аргументы будут и дальше иметь абстрактный характер без рациональной аргументации, а большинство

находится в состоянии пассивного равнодушия и склоняются к рациональному восприятию, что лучше сохранять мир и партнерство до последнего, чем выступать с агрессивных позиций.

Другое мнение заключалось в том, что изменения в общественном мнении европейских стран могут привести к смене настроений среди политических элит. Например, в 2014м году общественное мнение было на стороне Украины и именно это вынудило европейских политиков принимать меры и вводить санкции против Кремля. Таким образом, до тех пор, пока европейским обществом партнерство с официальными властями России не будет восприниматься, как токсичное и несоответствующее ценностям, ничего не изменится в отношении элит.

Одновременно, важно отметить, что многие активисты в российских регионах полагают, что “Запад” негативно относится к Кремлю и поэтому активно поддерживает оппозицию. Тема финансирования со стороны западных фондом является болезненной. Хотя, все понимают, что никто не платит участникам за участие в митингах и общественных кампаниях, тем не менее, понятно, что многие общественные организации получают такое финансирование и живут за его счет. Также, есть мнение, что оппозиционных активистов принимают с радостью в случае эмиграции.

Как было отмечено, последние исследования общественного мнения России показывают, что эффект Крыма быстро прошел и помог россиянам осознать, что восприятие России, как великой страны, включает также ее присутствие во всех значимых событиях и процессах в мире. Респонденты сошлись на том, что это остается единственным механизмом влияния на международную (и частично на внутреннюю) политику Кремля. После возвращения в Совет Европы, например, Кремль постарается избежать напряжения обстановки настолько, чтобы опять вставал вопрос о приостановлении членства.

Более активное включение в международную повестку дня представителей гражданского общества и оппозиции, по мнению ряда респондентов будет вынуждать Кремль быть осторожнее в своих действиях, как вне, так и внутри страны.

Заключение

Все респонденты сошлись в позиции, что из всех возможных сценариев все стороны будут стремиться сохранять срединный, в котором будет до последнего поддерживаться ориентация на стабильность, а любые колебания будут уравниваться другой стороной. Такие качели мы наблюдаем каждый раз - после убийства Бориса Немцова в 2015-ом, в 2017-ом во время президентской кампании Алексея Навального, в 2019-ом во время выборов в МГД и тд.

При этом, общая текущая государственная политика медленно сдвигается к авторитарным практикам, активистская среда медленно радикализуется и пополняется новыми участниками (хотя и сопровождается выгоранием и эмиграцией предыдущих волн), институциональная структура государства размывается.

Все отмечают, что такая ситуация может продолжаться долго, одновременно в любой момент может быть нарушена случайным неожиданным событием, которое разрушит баланс сил и изменит ориентацию на стабильность в одной из групп интересов.

Часть респондентов связывает такое событие с физической смертью Владимира Путина, другая - с проявлением резкого ухудшения качества жизни в какой-то социальной группе.

В первой ситуации респонденты сходятся во мнении, что изменения начнутся сверху, а во второй - снизу.

Также все респонденты согласились с тем, что в ближайшие годы основные всплески противостояния будут приходиться на периоды региональных выборов, выборов в ГД и президентских выборов.

Одновременно, все респонденты признали, что вряд ли 2024-ый год станет началом новой демократизации, в то время как стать моментом следующего значительного усиления авторитарных практик он может стать.

Несколько респондентов высказали свои рекомендации по тому, что может изменить ситуацию и сделать создать лучшие условия для демократизации:

1. содействие общественно-политической социализации молодежи через развитие социальных лифтов для них в гражданском секторе (молодежные инициативы и площадки в регионах, стипендии и ознакомительные поездки для молодежи в том числе стажировки в разных НКО в России);
2. поскольку зачастую лидеры гражданского сектора не понимают механизмов взаимодействия с молодыми активистами, необходимо содействовать обучению их этим механизмам - необходимы мероприятия, дискуссионные встречи, которые помогут в этом;
3. больше возможностей для выезда российских активистов из регионов в другие страны (в том числе европейские страны, Грузию и Украину, США) несмотря на ограничения и дискредитацию таких программ со стороны Кремля;
4. более эффективная коммуникация по ситуации в России на разных уровнях в европейских странах (особенно Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Дания, Испания) для изменения восприятия Кремля, как "надежного партнера, несмотря на отдельные проблемы" в общественном мнении этих стран.

4freerussia.org
freerussiahouse.org